

АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ ЗАЙЦЕВ

(заметки к биографии)*

Александр Иосифович еще не так давно был с нами. Пока еще многие помнят его доклады, пользовались его советами, помнят, как много он знал обо всем, что относится к классической филологии, а к этому еще множество вещей — языки, математику, психологию. Мы помним, как поразительно быстро, не слово за словом, а целыми абзацами читал А. И. на любом языке, помним его еженедельные среды и по этим дням очереди к нему — не только жаждущих знаний аспирантов и дипломантов, но и увенчанных степенями ученых из разных учреждений города. Помним мы и принципиальную позицию А. И. — помогать всем, кто взялся за работу в нашей науке. И не только в тех областях, которые были близки к его собственным занятиям и интересам, совсем нет. Если кого-то интересовали вещи даже очень далекие от занятий А. И., то он без всяких возражений брался помогать и руководить работой, был ли это Псевдокаллистен, Ювенал, Плавт или Дарес.

Даже самые младшие студенты знали, что работа («служба», как говорил А. И.) стояла для него на первом месте. Сначала он делал то, что должен, а уж потом то, что было его собственной научной работой, притом что исследование по-настоящему увлекало его. Он считал (и научил нас), что нельзя пропускать заседание кафедры, студенческий кружок, конференцию ученых, хоть как-то связанную с античностью. Сам же он (при его сверхъестественной загруженности работой) не пропускал даже выставок, спектаклей и фильмов о классической древности.

Таким образом, мы видим, что А. И. именно служил античности, притом не только своими исследованиями, но и исключительно высоко поставив миссию Учителя.

Пока еще трудно оценивать фигуру нашего учителя как бы издалека. Поэтому я постараюсь только изложить его непростую биографию, так много говорящую тем, кто рядом с Александром Иосифовичем прожил достаточно долгую часть жизни.

* Этот доклад прочитан на «Конференции памяти А. И. Зайцева» в январе 2001 г. на филологическом факультете СПбГУ, примечания добавлены в 2004 г., перед настоящей публикацией.

© Н. М. Ботвинник, 2004

Биографии родителей А. И. были обычными для нашего времени и в то же время трагическими. Они прожили жизнь, в полной мере соотносящуюся с их «переломившейся» эпохой. В 1917 г. Гита Борисовне Харобковской исполнилось двадцать лет, а Иосифу Михайловичу было почти тридцать — оба они не были к этому времени ни стариками, ни детьми. Отец А. И. Иосиф Михайлович Заяц (Зайоц), который жил в Петербурге со своей малограмотной матерью Агафьей Мартыновной, происходил из Литвы, где рано умер его отец. Семья была польская, католическая. Мать переехала в столицу, для заработка стирала белье в больнице, а ее единственный сын Иосиф, окончив после школы какие-то электротехнические курсы, работал по этой специальности. Очень крупный, сильный, спортивный человек, он ходил на лыжах, плавал, играл в футбол и участвовал в соревнованиях по бегу. В семье сохранилась вырезка из какой-то газеты без даты, еще старой орфографии, где сообщается о его победе в беге. Есть его фотографии на веслах в лодке и в спортивной форме футболиста. Иосиф Михайлович был, по рассказам сына, человеком неординарным; как-то А. И. сказал мне, что его отец был похож на Андрея Бабичева из романа Юрия Олеши «Зависть». «Хозяйственник» — герой Юрия Олеши, по словам автора, «... был гигант. Он работал день, работал половину ночи». По-видимому, в глазах А. И. его отца роднила с Бабичевым творческая устремленность и работоспособность. При Советской власти он занимал высокие должности, был, например, первым начальником Жилищного управления Ленгорсовета. По-видимому, А. И. очень любил отца, хотя никогда не высказывал этого в разговорах. Как-то вечером зимой в одну из своих знаменитых сред на кафедре он был грустным, даже заметно огорченным. Я несколько раз спросила, не случилось ли чего плохого, и А. И., наконец, ответил, что где-то потерял одну из своих старых, невообразимо выношенных и утративших цвет громадных кожаных рукавиц. Огорчение стало совершенно понятным, когда А. И. добавил, что это рукавицы его отца — то очень небольшое, что осталось от него, арестованного и расстрелянного в 1938 г. До некоторой степени чудом можно назвать то, что на следующий день я нашла на улице потерянную рукавицу. Александр Иосифович не скрывал своей радости, когда я с торжеством принесла ее ему на кафедру.

Мать А. И. Гита Борисовна Харобковская-Зайцева (как много говорит о времени и новой жизни эта двойная фамилия после замужества) происходила из Невеля, из небедной традиционной ев-

рейской семьи, где было девять детей. Гита Борисовна еще до революции уехала учиться в Петербург на курсы врачей-стоматологов. Братья Семен, Григорий и остальные, а также и сестра позднее тоже уехали из черты оседлости и получили образование. Например, Герц (Григорий) Беркович (он в отличие от Гиты Борисовны изменил имя, но не стал менять отчество) был в Москве начальником конструкторского бюро до апреля 1938 г., когда он был арестован и расстрелян. Брат Гиты Борисовны Семен, работал в Уфе инженером, и позднее (во вторую волну) тоже был репрессирован.

Родители А. И. жили в двух комнатах коммунальной квартиры на Литейном, угол Невского, где теперь магазин «Парфюмерия». С ними жила бабушка А. И., Агафья Мартыновна, у ребенка была немецкая бонна. А. И. с трех лет читал, с шести уже писал. Он ходил в начальную школу (в здании Публичной библиотеки на Фонтанке), а затем на Фонтанке же в школу между Щербаковым и Чернышевым переулками. Родители много работали. Гита Борисовна окончила дополнительные курсы в I Медицинском институте, чтобы иметь высшее медицинское образование.

Но начались годы террора. Иосиф Михайлович сначала остался без работы, а затем в 1937 г. последовал его арест и приговор «10 лет без права переписки», что означало расстрел. Гита Борисовна была арестована через месяц после мужа: она ожидала прихода «гостей дорогих» (по известному выражению Манделштама) и оставила свекрови деньги на случай своего ареста. По решению ОСО (Особого Совещания) 23 апреля 1938 г. она была «изолирована как член семьи изменника родины» на восемь лет.

Официальным опекуном двенадцатилетнего А. И. стала сестра его матери. В квартире была опечатана комната родителей, но А. И. с бабушкой остались жить в соседней комнате. Он вспоминал, что уже в третьем классе было его первое выступление против «канибала Джугашвили». Хотя А. И. не формулировал этого определенно, но по его рассказам создавалось впечатление, что в школе перед войной ему было тяжело.

Началась война, блокада. Умерла от голода бабушка А. И., а его тетя Мария Борисовна вместе с племянником в 1942 г. были эвакуированы в Северный Казахстан, откуда она с А. И., который после блокады был так истощен, что не мог ходить без костылей, переехала к брату в Уфу. В этом путешествии было все, что «полагалось» ленинградцам: и страшная переправа через Ладогу, и украденный чемодан... В 1944 г. приехала в Уфу и мать А. И., досрочно осво-

божденная из лагеря, как значится в ее справке об освобождении из Печорлага, за «высокие показатели в работе и отличное поведение в быту». Судимость с нее была снята только в 1954 г. после смерти Сталина. А до этого она, как и другие, вышедшие из лагеря, не имела права проживать ближе, чем на 101-м километре от Ленинграда. В пос. Толмачево Лужского района она и проработала до своей реабилитации.

Александр Иосифович еще в школьные годы в Уфе начал самостоятельно заниматься древними языками, кроме того к окончанию школы он уже читал на трех европейских языках. В восемнадцать лет А. И. поступил в Уфимский педагогический институт на истфак, но в 1945 г. он оставил пединститут и стал студентом классического отделения нашего университета. Жизнь в университетском общежитии на Мытне для А. И. была тяжела и опасна. Учившийся с ним в одной группе Ю. П. Суздальский, пытаясь уберечь младшего по годам сокурсника от ареста и увести его подальше «от окружавших его доносчиков» пытался поселить А. И. у себя на квартире, но спасти его было невозможно. Александр Иосифович открыто говорил о «преступном режиме и идеологии» даже на политзанятиях. По-видимому, в это время он был в таком состоянии (одиноким, не забывшим репрессированных родителей), что ему казалось важным говорить то, что он знал, а не молчать. Следовательно, А. И. был обречен. После ареста в январе 1947 г. власти признали его, открыто говорившего во время следствия то, что он думал, невменяемым. Александр Иосифович был отправлен в тюремно-психиатрическую больницу МГБ в Казань. Там было так страшно, что он почти никогда не говорил об этих семи годах, по его выражению, «узнице». Только несколько раз он скупно рассказывал об этой ужасной больнице: однажды рассказал о двух своих соседях по палате — о колхозном мальчишке, угнанном во время войны в Германию, и о бывшем партизане, пережившем фашистские зверства. Мальчик, голодавший вместе с родителями до войны в родном колхозе, хвалил и немцев, и Германию, где он был сыт, а партизан не мог стерпеть этого и однажды ночью убил своего молодого оппонента.

Только в 1954 г. после смерти Сталина Александр Иосифович был выпущен на свободу и восстановлен в университете, который окончил в 1956 г.

В первые студенческие годы до его ареста руководителем А. И. был проф. Соломон Яковлевич Лурье, которого А. И. до конца жиз-

ни называл в числе своих учителей. Когда Александр Иосифович вернулся в Ленинград, С. Я. Лурье уже не было в университете — ему пришлось уехать из города, так как в годы так называемой борьбы с космополитизмом он потерял место в университете и нигде в Ленинграде не мог найти работу. Руководителем дипломной работы А. И. стал Яков Маркович Боровский. Под его руководством Александр Иосифович впоследствии писал и кандидатскую диссертацию «Гимн Диоскурам» Алкмана и его эпические источники».

С осени 1959 г. А. И., окончив аспирантуру, стал работать преподавателем на кафедре классической филологии ЛГУ. С этого же года он стал приходить к нам домой на Стремянную улицу. Познакомившись с моим отцом, Марком Наумовичем Ботвинником, Александр Иосифович вместе с ним комментировал самый первый том известной библиотеки античной литературы «Эллинские поэты». Книга вышла в 1963 г. К этому времени у А. И. уже вышли две статьи и тезисы доклада на II Всесоюзной конференции по классической филологии. «Эллинские поэты» стали началом общих работ с М. Н. Ботвинником. Впоследствии они вместе комментировали Плутарха для «Хрестоматии по истории Древней Греции» (1964), переводили Исократ (1967), участвовали в издании текстов Демокрита, подготовленных С. Я. Лурье (1967), писали отдельные статьи в энциклопедию «Мифы народов Мира» (1980), переводили и комментировали речи Демосфена (1994). В 1994 г., когда мой отец умер, Александр Иосифович написал в сборник, посвященный его памяти, статью «М. Н. Ботвинник. Труды и дни».

Приблизительно до 1965 г. Александр Иосифович жил в коммунальной квартире в одной комнате со своей матерью. Эта очень небольшая комната на Загородном, д. 5 была получена Гитой Борисовной по реабилитации. Жить в такой тесноте А. И. было трудно. Может быть, поэтому в те годы он часто приходил к нам в гости поздно вечером, после закрытия библиотек.

Тогда, да и потом Александр Иосифович иногда поражал меня своими теоретическими установками. Например, я очень хорошо помню, как он (еще в мои школьные годы) говорил, что жениться ему, как и всем полукровкам, не следует, так как нашим детям будет так же трудно, как и нам. К счастью, когда Гите Борисовне удалось получить еще одну комнату неподалеку, Александр Иосифович переменил свое мнение и в 1965 г. женился, а затем обзавелся тремя детьми.

Такой же разговор был у меня с А. И. о поездках за рубеж. В

советские годы это было абсолютно невозможно, но мне очень хотелось поехать куда-нибудь, посмотреть на мир и жизнь за границей. Александр Иосифович говорил, что ездить никуда не нужно, «вот Кинт всю жизнь провел в своем Кенигсберге, и это правильно». Однако в последние годы, когда появилась возможность выезжать, Александр Иосифович побывал с докладами во множестве зарубежных стран: в Квебеке, Софии, Берлине, Констанце, Гейдельберге, Кельне, Вене, Амстердаме, Утрехте.

Но он так и не увидел Греции, хотя в год его смерти мы договорились, что он летом поедет в Дельфы на «школу» преподавателей древнегреческого языка и литературы. Я видела, что представившаяся возможность увидеть Грецию очень обрадовала его.

Теперь я думаю, что Александр Иосифович, объявляя невозможное ненужным, просто таким образом утешал себя, а может быть, к тому же и слегка подшучивал надо мной.

В этих заметках я не собиралась говорить об Александре Иосифовиче как об ученом: это тема отдельной большой статьи. Достаточно сказать, что, несмотря на сравнительно позднее вступление в науку, он успел опубликовать две фундаментальные монографии. В 1985 г. появился «Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э.», а в 1994 г. — «Формирование древнегреческого гексаметра». Кроме того, он автор почти сотни различных статей.

Эти работы демонстрируют необыкновенную широту научных интересов А. И. Зайцева. Они посвящены таким разным темам, как гомеровский эпос, греческая наука, античная религия и философия. Есть у него работы о греческой и римской поэзии, фольклоре, эпиграфике, истории греческой науки, индоевропеистике, а также воспоминания об учителях и коллегах, публицистические статьи о значении классического образования.

Три сборника научных статей, посвященных нашему учителю, появились еще при его жизни. Первый из них (ученики приготовили его и собственноручно выпустили в машинописном виде) был собран в 1985 г. в Ленинграде и назывался «Studia Humanitatis. К 25-летию научной и педагогической деятельности А. И. Зайцева». Том петербургского журнала по классической филологии «Nupergogicus», посвященный 70-летию А. И., вышел в 1996 г.¹ Наконец, университетский сборник работ его учеников и коллег «ΜΟΥΣΕΙΟΝ»² был издан в честь этого же юбилея в 1997 г.³

Издательство филологического факультета, на котором А. И. всю жизнь преподавал, уже через год после его смерти начало вы-

пуск серии книг «Из наследия А. И. Зайцева». Первый том этой серии⁴ содержит новое, исправленное и дополненное издание монографии о культурном перевороте в Древней Греции, второй⁵ — 72 избранные статьи, в том числе не публиковавшиеся ранее, а также полный список научных трудов А. И. Третий том «Греческая мифология и религия» появился в 2004 г.⁶ Всего намечено издать в этой серии 5 томов, куда, помимо всего прочего, должны войти тексты некоторых курсов, прочитанных им в университете.

Мы надеемся, что выходящие книги и мемуары увековечат память о нашем любимом учителе, но они, конечно, никогда не заменят нам его самого.

Примечания

¹ Hyperboreus: Studia classica. Vol. 2. Fasc. 2. Petropoli, 1996.

² ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору А. И. Зайцеву ко дню 70-летия: Сб. статей. СПб., 1997.

³ После смерти Александра Иосифовича в двух номерах журнала «Hyperboreus» опубликованы научные статьи, посвященные памяти выдающегося петербургского филолога-классика. В 2003 г. альманах «Древний мир и мы» посвятил А. И. Зайцеву целый раздел, в который вошли биографические материалы, фотографии и воспоминания.

⁴ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Л. Я. Жмудя. СПб., 2001.

⁵ Зайцев А. И. Избранные статьи / Под ред. Н. А. Алмазовой и Л. Я. Жмудя. СПб., 2003.

⁶ Зайцев А. И. Греческая религия и мифология / Под ред. Л. Я. Жмудя. СПб., 2004.